

Владимир Фёдоров

Армейские дни: от проводов до приказа

18+

Владимир Фёдоров

Армейские дни: от проводов до приказа

<https://litres.ru/74422723>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге собраны воспоминания о службе в Группе советских войск в Германии (ГСВГ) в городе Веймар. Автор делится личным опытом, раскрывая будни службы: от строевой подготовки и дежурств, до участия в учениях и выполнения поставленных задач.

Читатель погрузившись в атмосферу конца 60-х годов, увидит, как складывались отношения внутри воинского коллектива, как выстраивалось взаимодействие с местным населением и какие особенности имела жизнь вдали от родины. В книге немало зарисовок — о расположении части, о досуге солдат и офицеров, о поездках по окрестностям и знакомстве с культурным наследием Веймара, города Гёте и Шиллера.

Воспоминания воссоздают картину армейской жизни в ГСВГ, и служат важным историческим свидетельством эпохи, когда присутствие советских войск в Германии играло ключевую роль в системе европейской безопасности. Книга будет интересна ветеранам ГСВГ, историкам, а также всем, кто хочет узнать о

малозаметных, но значимых деталях службы советских военных за рубежом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	37
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Армейские дни: от проводов до приказа

Глава 1

"Ох уж эти горестные провода...!"

Ким Рыжов

Итак, повестка «прилетела» — первого ноября 1968 года к 17:00 мне предстоит явиться в военкомат. При себе иметь документы, указанные в перечне. Всё, гражданская жизнь заканчивается, впереди — служба в рядах Советской армии. Мать, узнав о такой «новости», всплакнула.

Отец отнёсся к этому спокойно: «Два года-то всего...!» — сказал он, улыбаясь. — «Я прослужил в армии пять лет, шесть месяцев и тринадцать дней, из них четыре года войны». Сказать отцу в ответ мне было нечего.

Вечером, выпив по такому случаю, батя стал учить меня премудростям армейской жизни. «Первое, — говорил он мне, — ты должен запомнить, что в армии командир для тебя — батя, а старшина — матка. Сразу постарайся подружиться с ребятами, без друзей будет тяжело. Не чурайся никакой работы...». «А ты портянки-то умеешь наматывать?»

— вдруг оживился отец. «Умею...» — сказал я неуверенно. Помотав портянки, повеселив домашних, я понял, что это не так-то просто. «Смотри, как надо!» — и бывалый вояка за несколько секунд ловко «запеленал» свою ногу. Став на пол, отец продемонстрировал свою работу. Портянка была намотана плотно, и казалось, что на ногу был надет носок.

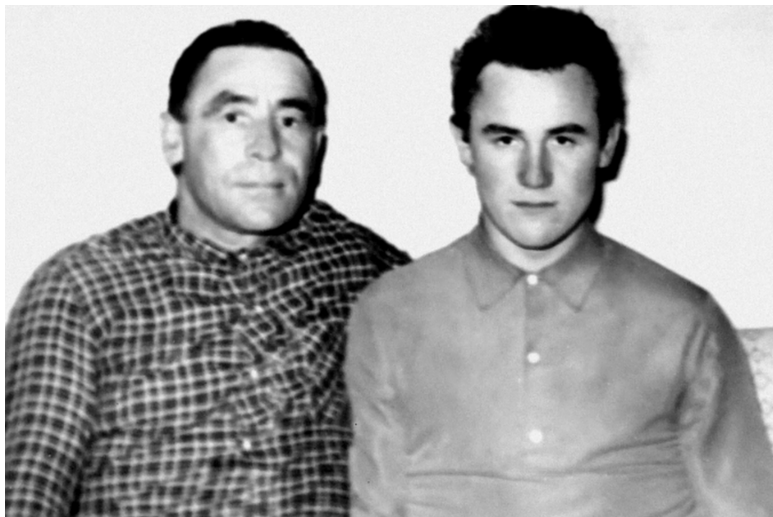

Фото с отцом. Завтра 1 ноября 1968 года я уйду в армию. После ряда тренировок я немного освоил эту премудрость. «Вас там будут много гонять: «подъём», «отбой». Так ты, чтобы быстро одеваться и раздеваться, возьми да черенком ложки петли-то под пуговицы и разработай. Дёрнешь за

ворот гимнастёрки — пуговицы все сразу и расстегнутся. И застёгивать их потом будешь гораздо быстрее». Как это всё мне впоследствии пригодилось...!

Фото с мамой.

И вот всё закрутилось. Завтра уйду в армию. С раннего утра готовятся закуски, накрываются столы. Все что-то делают: бегают, суетятся, шумят. Чем мне заняться, не знаю, а без дела сидеть неохота. Взял в руки гармошку и стал что-то наигрывать. Сразу все оживились: «Давай, давай, наяривай», — кричат, — «да и нам будет веселее работать». Сижу, играю...

Завечерело. Стали подходить гости, рассаживаются. В де-

ревне все свои, поэтому на проводы особо никого, кроме своих друзей, не приглашал, зная, что проводить в армию придут все: кто-то сказать «до свидания», а кто-то скажет и «прощай». Ведь за два года многое произойдёт...

За столом шум, гул, разговоры. В углу, на комод, «скрипит» старенький проигрыватель, но его уже никто не слушает. «Да выключите вы его», — кричат, — «дайте поговорить!» Виновник торжества в центре стола. Каждый из присутствующих считает своим долгом высказать слова напутствия. «Служи там хорошенько, слушайся командиров», — поднимая рюмки, чокаясь и выпивая, наказывают старики. «Ты нам почаще пиши!» — кричат девчонки, — «сразу же вышли фотографию в форме!»

Проводы. Пришли друзья.

Просят слова отслужившие друзья: «Мы это уже прошли, не робей, это не смертельно, но запомни одно — как себя поставишь, как себя поведёшь в коллективе, так с тобой товарищи и будут обходиться. Трудно будет только вначале, потом станет легче. Просто надо всё это перетерпеть». «Сынок, ты там береги себя и возвращайся живым!» — вытирая слёзы и сморкаясь в носовые платочки, вторят им старушки.

Наконец все наговорились, высказались... Кричат: «Давай песню!» Запели — «кто в лес, кто по дрова». Не получилось. «А давайте плясать! Толя, Цыганочку! Цыганочку с выходом!» — требуют «опытные плясуны». «Нееееет...!» — визжат девчонки, — «мы хотим танцевать! Поставьте Королеву красоты!» Так и не договорились. Старики остались дома. Молодёжь, благо погода позволяла, вышла на улицу. В доме играет гармошка, слышен топот ног. На улице в который уже раз ставят пластинки с популярными у молодёжи мелодиями. Танцуем... Весело, но завтра мне уезжать. Немного тоскливо... Стало смеркаться, устали... «Пошли гулять!» — предложил кто-то. Пошли. Я с девчонками впереди, парни сзади. Запели песни: «И для тебя, родная, есть почта полевая...» Кто-то, озорничая, перекраивает слова песни на свой лад, орёт: «И для тебя, салага, есть котелок и фляга...». Не обижаюсь, понимаю — шутит по-дружески, не злобно. Гуляли долго. Много пели, шутили, смеялись, то есть поднимали

мне настроение. Ближе к полуночи понемногу стали расходиться: у кого-то свои дела, кому-то захотелось спать. Остались самые «стойкие». «Пойдём, пройдемся по местам нашего детства и нашей счастливой юности», — предложил я. Никогда не думал, что они в эту ночь будут мне так дороги.

Вот моя школа, где я когда-то учился, осваивая азы различных дисциплин. Всего-то четыре года, а столько воспоминаний... Разве забудешь те уроки, которые давала нам наша учительница Алексеева Зоя Михайловна? «Нажим, а здесь — тонкая волосяная линия», — проводя уроки чистописания, говорила нам она.

А здесь, в центре деревни, мы собирались в тёплые летние дни, чтобы поиграть в лапту, городки да и просто погонять мяч. А вот и сельский клуб. О-о-о, это сейчас он стоит богом и людьми забытый. Тогда здесь кипела настоящая жизнь. Дядя Гоша Трофимов, наш киномеханик, обучил меня владению киноаппаратом «Украина» и впоследствии доверил мне самостоятельно «крутить фильмы». Посмотрев как-то фильм «Человек-амфибия», мы были потрясены увиденным. Когда зрители разошлись, мы, перемотав назад плёнку, посмотрели этот фильм ещё раз.

А танцы в клубе! Тогда ещё не было слова «дискотека», а были просто танцы. Клубная радиолка играла тихо, а нам хотелось «побалдеть», хотелось громкой музыки. Благодаря моему доступу к киноаппаратуре радиолу подключали к усилителю, и тут начиналось: звук через два динамика был та-

ким, что в клубе дрожали стены и звенели стёкла. Молодёжи было много. Приезжали ребята из соседних деревень. Прибегали в самоволку солдаты из воинских частей, расположенных в Выползове и его окрестностях. Весело было. Солдат Коля, наш завсегдатай, приезжая на своём автокране в деревню, украинским говорком спрашивал у меня: «Воука, а сегодня танцы будут?» «Будут танцы, Коля, будут», — следовал ответ. И начиналось: громкая музыка, от которой дрожали стены, веселящаяся деревенская молодёжь и наши гости.

Прошлись по берегу речки до места, где мы всегда купались. Осенняя вода была холодной. Опустив в неё руки, умыв лицо, я таким образом попрощался на два года с речкой моего детства.

Утром меня разбудил отец: «Вставай, пора!» Проснувшись, я понял, что вот и наступил «этот день». В доме уже сидел мой двоюродный брат Толя с машинкой для стрижки волос. «Ну что, призывник, садись вот сюда на табуретку!» И спустя некоторое время мои кудри уже лежали у моих ног. Посмотрев на себя в зеркало, подумал: «Ну вот и начинается моя солдатская жизнь!» Весь день тоже был каким-то сумасшедшим: забегали поговорить друзья, заходили мужики. Последние разводили «тары-бары-растабары», но по всему было видно, что им нужно было просто «поправиться».

Очень быстро прошёл этот сумасшедший день. Я был готов к отправке. Вещмешок, заботливо собранный мамой, уже

давно ожидал меня. «Машина идёт!» — закричали на улице мальчишки. Все вышли на улицу.

Провожала вся деревня. Впереди ехала грузовая машина, в кузове которой лежал мой «сидор», а мы шли пешком. Парни, подвыпив, горлая песни, «рвали» меха гармошки. За мостом через речку стали прощаться. Слезы, смех и обязательные напутствия. В кузов машины село столько народу, сколько поместилось (тогда с этим было просто). Поехали. Снова гармошка, песни, разговоры.

Как только въехали в лес, машина остановилась. «Вовушка, — сказала кто-то из женщин, — сходи, заломай берёзку!» Не понимая, что это значит, я слез с машины. «Иди, сломай маковку вон у той! Это для того, чтобы ты назад вернулся...»

Глава 2

Военкомат

У военкомата полно народу. В этой толпе мелькают бритые затылки призывников. Девчонки их окружают, и каждая из них пытается рассказать своему дружку что-то своё. Парни, собравшись кучками, покуривают. Отцы стоят поодаль, взволнованы, их тема разговора — война. Это позволяет им как-то отвлечься от происходящего. Матери, наши дорогие и милые мамы, переживают больше всех. То и дело, прикладывая платки к покрасневшим глазам, пытаются скрыть свои слёзы.

Наконец открылась дверь военкомата и офицер, перекрывая шум толпы, прокричал: «Призывники, заходите!» Бритые затылки в толпе зашевелились, и мы, перешагнув через порог, очутились в другом, совсем непривычном для нас мире под названием АРМИЯ. «Строиться!» — раздалась команда. Но толпа призывников гудела, как растревоженный улей, и, естественно, команда «строиться» повисла в воздухе. С нескольких попыток старшему лейтенанту наконец-то удалось построить нас в нечто, похожее на (опущу слово «солдатский») строй. Зрелище впечатляло. Стояла «разношёрстная» толпа: кепки, шапки-ушанки (кто-то без них); телогрейки, куртки, курточки («от долгов бегать»); сапоги, кеды, ботинки; брюки-клёш, спортивные брюки, рабочие шта-

ны...

"Равняйся!" — раздалась команда. "Строй" зашевелился, но равнения здесь уж точно никто не увидел. "Смирно!" — шум голосов немного стих. Из кабинета вышел офицер, ду-
маю, военком, осмотрел наше сборище и поздравил всех с
началом военной службы.

Проходя мимо "строя", майор вдруг воскликнул: "Ну, а
ты точно дослужишься до генерала" (полагаю, что майор от-
сутствием чувства юмора не страдал). "Выйти из строя!" От
нашей группы отделился парень и вышел на середину. Его
широченные чёрного цвета брюки-клёш "мели пол", а внизу
в штанины были вшиты клинья красного цвета. Дружно по-
смеялись. Хорошая разрядка получилась.

"А теперь, — сказал военком, — заходите по одному вот
в этот кабинет", — и указал на дверь. "Кто получит доку-
менты, выходите во двор". Подошла моя очередь. В кабине-
те, кроме военкома, сидел ещё один офицер. "Прочитайте
внимательно, — сказал лейтенант, передавая мне книжеч-
ку красного цвета, — и если всё правильно, распишитесь
вот здесь", — и пододвинул мне журнал. "Военный билет,
— стал читать, — выдан...". "Всё правильно!" — закончив
проверять написанное, сказал я. "Распишитесь...". Какое-то
непонятное чувство охватило меня в тот момент. Но самое
главное — я понял, что это уже серьёзно...

Получив документы, я вышел из военкомата. На улице на-
роду заметно прибавилось. Было шумно, пожалуй, было бо-

лее шумно, чем до того, как мы заходили в помещение. Провожаящие зря времени не теряли. Было видно, что по поводу такого события многие успели «ещё добавить». Батя такого соблазна тоже не избежал. Увидев вышедшего из военкомата офицера, стал проситься на службу. На что тот ему ответил: «Отец, ты своё отслужил, пусть теперь твой сын послужит».

Призывники, выведав у кого-то «военную тайну» — номер нашей команды, попытались разузнать у лейтенанта, куда нас повезут. «Ребята, — ответил он, — я точно не знаю, но служить вы будете где-то за границей». «В Германию! Точно в Германию поедem!» — слышны стали голоса.

Снова открылась дверь военкомата и вышли офицеры. Криками через мегафон собрали нас в одну группу. Получился какой-никакой строй, а если с военной точки зрения смотреть — разномастная толпа людей, но уже связанная одной судьбой. «Шагом марш!» — прозвучала команда, и мы, как «цыгане шумною толпой», направились в сторону вокзала.

Вечерний вокзал. Суета, беготня, крики. И тут, нате вам, пожалуйста, — появляемся мы... «Отправляться будем с первой платформы!» — кричит сопровождающий нас офицер. И вот весь этот наш «кагал» заполняет перрон. Гул голов, в котором разобрать что-то членораздельное довольно трудно. Слышатся только отрывки фраз: «...пиши...», «...бабушка...», «...кушай...», «не забывай...». Младший братишка семи лет, повиснув у меня на шее, просит: «Ну не уезжай!»

«Надо ехать! — успокаиваю его я. — Я скоро вернусь!» «А ты, когда из армии вернёшься, дашь мне из автомата пострелять?» Сам, ещё не видевший и не державший в руках автомат, отвечаю: «Конечно!»

Показался поезд. На мгновение гул на перроне стих, и мимо нас с шумом прошёл локомотив. Замелькали вагоны: первый, второй, третий... «Все садимся в шестой вагон!» — кричит сопровождающий нас офицер. Масса людей, следуя за нами, придвинулась к двери вагона. «Прощайтесь здесь, в вагон не заходите!» — пытаюсь навести порядок, кричит проводница. Слушаются провожающие, в вагон не заходят. Прощание: плач, слёзы, поцелуи, последние напутствия, и вот мы уже в вагоне.

Начинается делёжка мест. Спорят, ругаются. Кто-то открывает окна — ведь на перроне стоят провожающие. Есть возможность снова их увидеть. Все бросились к открытым окнам, но всем места не хватает. Опять шум, крики. На перроне не лучше. Провожающие толпой стоят под окнами вагона, и все тоже что-то кричат. В этой неразберихе уже никто никого не понимает. Ну да и ладно. Раздался гудок, прощаясь, все замахали руками. Поезд тронулся. Из всех окон вагона торчат наши стриженные «под ноль» головы. Поехали... В вагоне стало тише. Рассаживаемся. Знакомимся. Впереди Калинин. Впереди пугающая неизвестность...

Глава 3

*"Качается вагон, стучат колёса
глухо, так хочется сойти, но..."*

Игорь Шафран

Калинин - сборный пункт (пересылка) - Мигалово

Проехали станцию, пригород, и в вагоне стало темнее. Поезд набирал скорость. Замелькали столбы, фонари, станции, полустанки. В вагоне оживление. Ехать часа три или чуть больше.

Заметно, что часть ребят хорошо знает друг друга. «Бологовцы!» — сказал сидящий рядом со мною парень. Суета и передвижение по вагону продолжают. «Слушай, пересядь на другое место», — слышатся голоса. Призывники начали собираться в группы по принципу: «Ты мой близкий земляк, присаживайся, поедем вместе».

Мы тогда ещё не знали, что там, где мы будем служить, понятие «земляк, земля, зёма» будет охватывать более широкий круг товарищей. А сейчас для «кучкования» было достаточно того, что мы из одного города, а кто-то — из одного села, деревни. «Давай знакомиться!» — предложил сосед. — «Волоха Сысоев!» «Фёдоров Володя», — представился я. «О-о-о, так мы с тобой тёзки!» — обрадовался Волоха. — «Я

ведь тоже Володька, но всех Вовок мне нравится называть так». Ну, Волоха так Волоха! Пусть будет так.

Рядом послышались заговорщические, полушёпотом голоса: «Где старлей?» «В том конце вагона», — слышится придушенный ответ. «Доставай!» Достали... Через некоторое время все сидят смирно и жуют. А поезд, постукивая колёсами, мчится всё дальше и дальше, унося нас от родного дома. Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Кого-то уже разморило — подрёмывают. Другие сидят, задумавшись. Может, вновь и вновь прокручивают в голове недавно пережитое. Кто-то ходит по вагону, отыскивая своих знакомых. То тут, то там слышится смех. Скорее всего, «травят» анекдоты.

«Я сам бологовский», — продолжает разговор Сысоев. «Наш дом рядом с Сельхозтехникой, батя там работает». «Давай будем держаться вместе», — предложил новый друг. «Давай», — согласился я. В вагоне становится жарко и душно. Пахнет дорогой, папиросно-сигаретным дымом, ну и, конечно же, тем, ради чего собирались земляки «тесным кружком».

«Калинин!» — перекрикивая шум, сообщает проводница. «Ребята, собираемся!» — проходя по вагону, говорит офицер. На перроне достаточно свежо, ветерок. После тёплого и душного вагона немного познабливает. «Все вышли?» — офицер снова пробегает по вагону посмотреть, не остался ли кто. Все! Усталые, хмурые стоим у вагона. Кто-то стал заку-

ривать. Но не тут-то было... «Строиться!» — раздаётся команда. Потоптавшись, толкаясь и споря, образовали что-то вроде строя. Пошли по полутёмным улочкам города. Время к полуночи. Куда ведут, непонятно...

Наконец, впереди, за забором, показалось жёлтое здание. «Пересылка, наверно», — выдохнул кто-то. «Точно пересылка, я уже здесь был», — сказал тот же голос. — «Три дня проболтался, потом домой отправили... Спать придётся на нарах, так вы на второй ярус забирайтесь, там теплее и спокойнее. И мешки, мешки берегите — воруют, бывает», — закончил наш всезнайка свой монолог.

На сборном пункте во всех окнах свет; время уже за полночь, но всё движется: суета, команды, крики, разговоры. Прибывают новые команды призывников. Сопровождающий нас офицер куда-то пропал. Больше мы его не видели. Ушёл, не попрощавшись. Вышел здоровенный, неопрятный, больше похожий на завхоза, но всё-таки офицер. «Вам в эту комнату!» — показал он рукой. Толкаясь, бросились занимать места.

Верхний ярус был уже занят прибывшими раньше нас. Стали устраиваться на нижнем. Время позднее, спать бы уже, но мы, проголодавшиеся, стали разбирать свои мешки. Радостные возгласы наполнили помещение: дома хорошо постарались — подготовили будущих солдат к «тяготам военной службы» основательно. Тут вам и пирожки, заботливо испечённые мамой, и колбаска, и сладости разные. Хорошо

подкрепившись, легли спать. Спалось плохо. Новое место, мысли о прошедшем и будущем, кто-то рядом храпит, горит дежурный свет. Не сон, а мучение.

Наступило утро. Скрипнула дверь, и вошедший хриплым голосом прокричал: «Подъём! Вставайте, умывайтесь! Скоро приедут покупатели...» Покупатели. О них мне рассказал отец: «Будут приезжать военные, которые отберут вас для своих частей. Ты не забудь права-то с собой взять, а то вместо автобата в пехоту загремишь», — пошутил он.

Вставать ну никак не хотелось. Кто-то поплёлся умываться, кто-то продолжал спать. Лёжа на нижнем ярусе, мы стали рассматривать «автографы», оставленные нашими предшественниками. Стены, сами нары и нары верхнего яруса — всё пестрело от «наскальных надписей» предыдущих постояльцев. Изучив все оставленные адреса, мы достали свои авторучки и, найдя свободное место, тоже занялись подобным «художеством»...

10 часов утра. «Покупатели приехали!» — с быстротой молнии разнеслась новость по помещениям, в которых располагались призывники. Большой зал, похожий на актовый; вдоль стен стоят столы, покрытые красной материей. За столами сидят офицеры. Покупатели... «В каких войсках хочешь служить?» — задал мне вопрос майор (мне тогда показалось, что этот вопрос был уже давно за меня решён). «В автомобильных», — ответил я. «До армии удалось «пошофёрить» самостоятельно?» Услышав утвердительный ответ,

он сказал: «Хорошо! Записываю тебя в автобат. Будешь служить водителем».

После услышанного моей радости не было предела. Сразу вспомнились слова напутствия друзей на проводах: «По-старайся попасть служить на машину. Не пожалеешь». «Куда записали?» — спросили ожидавшие за дверью своей очереди. «В автомобильные...», — ответил я, продолжая радоваться. «Повезло!» — сказал кто-то и продолжил: «Я, наверное, не попаду в автобат. Месяц назад только права получил». Да, мне тогда здорово повезло. Ведь многие из ребят, имея на руках права, по разным причинам так и не стали в армии водителями.

Да, такие события запоминаются на всю жизнь. Я ведь машинками, как и многие мальчишки, «бредил» ещё в детстве. Увидеть настоящую машину в те годы считалось большой редкостью, а подойти к ней и потрогать, да нет — погладить, считалось великим счастьем.

Тут вот и вспомнилась эта история, произошедшая со мной. Вечером к отцу на автомобиле ЗИС-5 приехал его товарищ. Счастье подойти и потрогать настоящую машину длилось недолго: взрослые, поговорив, направились было к нашему дому. А мне так хотелось посидеть в кабине настоящей машины... Набравшись смелости, «шепнул на ушко» отцу о своём желании. Водитель, к моей великой радости, разрешил посидеть в кабине, но предупредил при этом, чтобы я ничего не трогал в машине... Они ушли в дом, а я, си-

дя за рулём, представлял себя в роли короля дорог. Пообещав ничего не трогать, я погорячился. Шофёры же при езде крутят баранку, включают какие-то рычаги... Стараясь быть похожим на них, я пробовал крутить руль, изображая езду, дёргал какие-то рычаги...

Увлёкшись «поездкой», я как-то умудрился включить фары. Светят, проклятые, надо их выключить, а как их выключить, не соображу. Очень испугался, заплакал и позорно сбежал с «места преступления», забыв даже закрыть дверцу кабины. Шофёр в окно увидел горящие фары, пришёл и выключил их, а я в это время, спрятавшись за соседским сараем, боялся показаться ему на глаза. Вскоре отец нашёл меня, перепуганного, и привёл домой. Я снова в слёзы, а взрослые смеются... Потом, желая меня, видимо, успокоить, водитель сказал: «Ну, сынок, быть тебе шофёром...!» Так и получилось. В мае 1967 года я получил права шофёра 3-го класса...

Отобрали нас, «купили», и вот мы уже в бане. Слышны звонкие голоса моющихся. Правда, мыться ни у кого особого желания не было — все только что из дома. Просто немного постояли под душем, да и скорее на выход: «радио» сообщило, что уже выдают обмундирование. У окошка выдачи очередь. Слышны голоса: «Одежда какого размера? Размер обуви? Размер шапки? Возьми портянки! Следующий!» Собрал всё выданное в охапку, идём одеваться.

«Мужики!» — радостно кричат уже наполовину одетые, — «а форма-то у нас ПШ...!» «Это как?» — наивно спраши-

ваем мы. «Да полушерстяные и гимнастёрка, и брюки! А сапоги-то юфтевые и ремни кожаные! Точно за границей будем служить!» — перебивая друг друга, слышны то тут, то там восторженные голоса. «В Германию вас повезут», — сообщает нам солдат, видимо работающий здесь в бане. «В Союзе, в основном, носят хлопчатобумажное обмундирование, ХБ значит, а если вас одели в ПШ, то будете служить за границей». И тут же посоветовал: «Парни, вы мешки-то свои с собой не берите, бросайте их здесь, в части их всё равно у вас отберут». И наши мешки с оставшимся в них содержимым чудным образом исчезли из раздевалки.

Долго путаясь, наконец-то надели всю экипировку на себя. Выходя из бани, каждый останавливался у огромного, во всю стену зеркала и любовался собой. Подошёл к зеркалу и я: «Ну вот, теперь ты настоящий солдат — на тебе серая шинель с погонами на плечах, на голове шапка со звёздочкой, на ногах сапоги, за спиной вещмешок».

На площадке около бани собираются солдаты. Глазу так непривычно: пару часов назад здесь стояла «пёстрая» толпа, сейчас же — армия и всё тут. Кто-то курит, слышен смех, да и как тут не засмеёшься. Слышны голоса: «Ты что, меня не узнаёшь?» «Не узнаю!» «Ну давай знакомиться снова!» «Ха-ха-ха»...

И правда, познакомившись за это время с ребятами и переодевшись в военную форму, мы перестали узнавать друг друга, стали все как бы «на одно лицо». «Строиться!» —

скомандовал сопровождающий нас офицер. Кто-то из наших выкрикнул из строя смело: «А куда мы сейчас пойдём?» «В армии подобных вопросов не задают!» — последовал ответ. «Шагом марш!»

Подшли к трамвайной остановке. Ждём трамвай. «В Мигалово повезут», — догадываются местные ребята. Ехали недолго. «Сейчас переедем дорогу Москва — Ленинград, и мы на месте», — сообщает нам какой-то добровольный «гид». А вот она и воинская часть. Въездные ворота приветливо распахнуты: «Мы вас ждали! Заходите, будем рады!». Сдерживая дыхание, заходим в казарму. Огромное помещение. Справа — ряды заправленных солдатских коёк. Слева, на почётном месте, стоит аккуратно заправленная койка Героя Советского Союза, служившего в этой части. Во всём чувствуется порядок. Осваиваемся на новом месте. Сняли шапки, положили поверх одеял шинели, вещмешки (надо оберегать своё имущество). Кто-то уже сидит на кровати, кто-то прилёг... Ждём, как нас предупредили, следующей команды.

В расположение зашли солдаты, служившие в этой части. Стали делиться с нами премудростями солдатской службы. Много чего нам рассказали, много чего посоветовали, что помогло пополнить наши знания в этом деле.

Правда, приходили они совсем по другому поводу: "У нас есть фотоаппарат. Есть желающие сфотографироваться в армейской форме?" Сфотографироваться, да ещё в форме —

ну кто же откажется? Каждому из нас хотелось тотчас сфотографироваться и тут же отправить свои фотографии домой родителям, девушкам, своим друзьям. Лес рук, поднятых вверх, быстро опустился. В казарму зашли наши офицеры с сержантами-срочниками, и нам стало понятно, кто здесь главный.

Не буду описывать общение командиров с подчинёнными, но через минуту этих ребят в нашем распоряжении уже не было. Представив нам сержантов, офицеры предупредили, что теперь мы обязаны подчиняться им и слушаться мы должны только своих "новоиспечённых" командиров и никого больше... Ох, надо было, надо было слушаться только своих командиров! Но мы же "вольница", какие там нам командиры; мы же уже столько знаем, что такое солдатская жизнь, солдатская служба, поэтому сами с усами. Ну а о дальнейшем "познании" азов солдатской жизни расскажу чуть попозже. Прозвучала команда: "Выходи строиться!"

Оказывается, пришло время ужинать. Сержанты привели нас в столовую. Огромный зал, ряды столов; дежурные заканчивают сервировку. После "мамкиных харчей" есть ну никак не хотелось. Сидим, ковыряем ложками кашу... Сержант, проходя вдоль столов, сказал: "Погодите, салаги, придёт время — будете "мести" всё подряд, что подадут!" Дальнейшая наша солдатская жизнь показала, как же он тогда был прав.

«Отбой...!» Первый раз услышал, уже в армейских условиях, эту команду и подумалось: «Вот она — «отеческая за-

бота» о нас, о которой говорил отец». Как-то непривычно было выполнять то, чего тебе ну никак не хотелось, да и время ещё «детское», всего-то 10 часов вечера. После пережитого за сутки долго лежали и переговаривались, делясь впечатлениями...

«Подъём, подъём!», — слышится голос дежурного. Всё! Приснившийся красивый сказочный сон, будто бы я дома: родители, сёстры, брат и я — объект их обожания, вмиг улетучился, и я нахожусь вот тут, в серовато-зелёной казарменной обстановке, а вокруг меня в своём большинстве чужие, незнакомые люди. Для пожелания самому себе доброго утра настроение было так себе... В туалет пойти — очередь, почистить зубы, умыться — стой, жди... «Привыкай!», успокаивая друг друга, приговариваем мы с Володей Сысоевым.

Завтрак, как и вчерашний ужин, мы все дружно «отдали врагу». «Разведка» сообщила, что на территории части есть магазин и чайная. Освободившись от «ратных дел», с позволения сержантов, мы все как один бросились «брать штурмом» эти торговые заведения. Торговля шла бойко, брали всё, что попадалось нам на глаза. Продавцы, заметно радуясь, что пошёл товар, со скоростью молнии обслуживали нас; да и мы денег не считали и не жалели... У каждого из нас в эти дни имелись «на руках» достаточные суммы: родители дали с собой в дорогу, провожающие, прощаясь и говоря тёплые слова, старались «хотя бы рублик», но тоже дать — пригодится. Вскоре по казарме поплыли вкусные и аромат-

ные запахи.

Открывались банки с консервами, шуршали кульки со всякими сладостями, пшикали откупориваемые бутылки с лимонадом. Сгущёнка...! Ооо!, о сгущёнке тут особый разговор. «Скидываясь», брали её чуть ли не целыми коробками, сразу на несколько человек. Пробив в банке отверстия с двух сторон, лёжа на койках, с упоением высасывали содержимое. Не жизнь, а малина! Так нам тогда казалось...

Утро следующего дня. Позавтракали. Да нет, скорее всего, отметились, что мы были в столовой. Какая там каша, когда теперь уже в наших личных вещмешках полно всякой вкуснятины. Никто особо нас не тревожит, живём своей жизнью.

Наш досуг организован неплохо: кто-то играет в шашки, стучат костями о стол доминошники, двое в уголке застыли за шахматной доской; расположившись на койках и поглядывая на дверь, не идёт ли начальство, картёжники режут карты. Вокруг игроков, как это всегда бывает, толпятся болельщики, что-то советуют, подсказывают, спорят. По очереди, сменяя друг друга, терзают старенькую гармошку гармонисты... «Слушайте, а служить в армии не так уж сложно и трудно!» — делимся мы своими впечатлениями...

Снова в гости заглянули соседи. «Ну как вам служба? Нравится?» «Нравится! Отлично!» — наперебой кричим мы. «Гармошка-то, видим, здесь одна, а вас много. У нас в расположении баян без дела пылится; если есть желающие на нём поиграть, пошли с нами». Желающих было много. Но

так получилось, что в число первых «счастливиц» попал я и ещё один парень из Подмосковья. «Пока хватит двоих, остальные потом», — сказал, почему-то улыбаясь, один из сопровождающих нас солдат.

Поднялись этажом выше. Такое же помещение, но порядок чувствовался во всём: койки по линейке, все как одна идеально заправлены, подушки — каждая на своём месте, полосы одеял на всех кроватях, если на них смотреть сбоку, абсолютно ровные. Красота.

Увидев вошедших, да ещё салаг, к нам подошли солдаты. Открыто смеясь, спрашивают у наших сопровождающих: «Что, эти тоже захотели поиграть на баяне?» После таких слов и самодовольных ухмылок солдат мы поняли, что здесь что-то не так, но отступать было уже поздно. «Ташите сюда баян!» — крикнул кто-то из них. Послышалось какое-то шуршание, и из боковой подсобки двое солдат вытащили в центр прохода большой деревянный ящик, доверху наполненный кирпичами, а под ним виднелись четыре щётки. С одной стороны к ящику была приделана ручка, как у лопаты, с другой стороны был прибит ремень с петлёй на конце. «Ну что, мужики, вам надо натереть пол. Ты за ручку тяни на себя, а ты, — обращаясь к моему товарищу, говорит инструктирующий нас солдат, — вот за эту лямку тащи этот ящик на себя». «Ну, хлопцы, поехали!»

Таская тяжеленный ящик туда-сюда и натирая пол, мы поняли, что же означает приглашение «поиграть на баяне».

Может, пожалев, а может, была другая причина, но наши «мучители» наконец отпустили нас восвояси. Возвращались к себе обиженные и злые. Хороший был получен урок.

«Ну как, поиграли на баяне?» — спрашивают без всякой иронии товарищи. «Поиграли!» — отвечаем сердито. «Повезло вам!» «Угу!» — отвечаем. «А наших шестерых парней забрали на переборку печенья. Сказали, что работа простая: целое нужно будет складывать в коробки, а поломанное можно есть, да чего там есть, можно даже забирать с собой». Мы с Виктором (пока натирали пол, успели познакомиться) многозначительно переглянулись: у нас баян, тут — дармовое печенье... Что-то здесь не так! Но промолчали. Через пару часов всё выяснилось: парней, выдав им вилы и лопаты, заставили грузить мусор в кузов самосвала...

Вот так, в первые дни нашей службы, мы стали понемногу набираться опыта применительно к армейским условиям жизни. Как же этот опыт потом нам пригодился! Забегу немного вперёд.

Мы уже в Германии, город Альтенбург. Идут теоретические занятия. В кабинет с улыбкой заходит военный — старшина-сверхсрочник (звание прапорщика в армии было введено позже) и обращается к нам: «Ребята, кто хочет поработать?» Присутствующие чуть ли не хором: «А что надо делать?» «Да надо печенье перебрать: целое складывать в коробки, а поломанное...», — продолжая улыбаться, сообщил старшина. Мой новый друг, к тому же земляк Борис Титов,

захотел помочь и предложил мне тоже принять участие в этой «сладкой» и полезной для здоровья работе. Узнав, что я категорически против (ну сколько можно наступать на грабли), он обиделся, но, видимо, дружеская солидарность одержала верх, и Борис остался на занятиях.

Старшина увёл добровольцев. Видно было, как многие из оставшихся им завидовали. Но эти «завидки» вскоре закончились. Ближе к отбою в казарму ввалилась толпа чёрных, как потом выяснилось, от угольной пыли «переборщиков печенья». Оказывается, на станцию на разгрузку прибыл вагон угольного брикета Rekord для котельной нашей части. «Вот это да!» — произнёс Борис, увидев вошедших. А я и правда подумал, что мы будем печенье перебирать...

И снова Калинин. «Нам сегодня уколы под лопатку будут делать», — сообщил, прибежавший откуда-то, Лёшка Егоров. «На прививку первый класс, первый класс, первый класс...!» — запел наш неунывающий балагур Коля Матвеев.

Медики работали споро. Подшучивая над нами, приговаривая и успокаивая, быстро сделали своё дело... В начале всё было хорошо, но ближе к вечеру у многих появилась сильная боль в спине, у кого-то поднялась температура. «Что нам за уколы сделали?» — стали допытываться мы у своих сержантов. «Вам сделали прививку от столбняка», — сообщил нам один из них. И добавил: «Потерпите немного, это быстро пройдёт».

Пока «терпели», снова заглянули соседи — это те ребята,

которые предлагали нам сфотографироваться. Сфотографировались, но сразу скажу: фотография получилась неважная; температура, боль в спине сделали своё дело — бравого военного на снимке я не увидел...

Наши командиры, видя, что мы, по их словам, от безделья «уже начали борзеть», решили провести занятия по строевой подготовке. «Выходи строиться!» — разнеслось по казарме. На плацу уже шли занятия по строевой с другими, такими же, как мы, новобранцами.

Ох, как нам хотелось в тот момент быть на их месте, представляя, как мы, печатая шаг, проходим мимо трибуны, на которой, держа руки под козырёк, стоит высокое начальство, а рядом с трибуной стоят и любят нас наши родители, братья, сестры, ну и, конечно же, наши девушки.

Но кто бы из нас мог подумать, что маршировка — это не такое уж простое дело. Команду «Шагом марш!» выполнили кто с левой ноги, кто с правой. «Мне что, теперь вас учить выполнять команду Сено-солома!» — стал ругать нас сержант и объяснил, что так, под одной из версий, учили маршировать неграмотных новобранцев из крестьян. Обидно тогда было это слышать. Изрядно погоняв нас по плацу и не добившись желаемого результата, наш сержант пообещал проводить такие занятия ежедневно. Кстати, своё обещание он выполнил. Последнее занятие по строевой подготовке было проведено 9 ноября.

Прощаясь с нами (завтра уезжаем), сержант сказал: «Ну,

строевая у вас уже неплохо получается. Будете проходить КМБ — доучат. Вопросы есть?» — скорее всего, тоже для порядка спросил он. «Есть!» — ответил кто-то из наших, более смелый. — «А что такое КМБ?» «КМБ — это курс молодого бойца», — объяснил нам сержант и добавил: «Все мы через это прошли, теперь настала ваша очередь». На этом с ним мы и расстались.

Под вечер нам сообщили, что завтра, то есть 10 ноября, нас отправляют. Предупредили, что если у кого останутся деньги, с собой не брать: на границе проверяют. Посоветовали оставшиеся деньги отправить домой или покупать продукты в дорогу.

Все дружно бросились в магазин. «Мели» с полок магазина всё, что попадалось на глаза: консервы, печенье, конфеты, вафли, папиросы, сигареты... Как же без этого, дорого-то дальняя... К закрытию магазина товара в нём почти не осталось. Продавцы, радуясь большой выручке, встречали нас как родных. «Мальчики, рыбные консервы и тушёнка закончились, возьмите консервированные кальмары», — предложили они нам, когда мы, решив истратить последние рубли, в который раз прибежали в магазин.

Утро 10 ноября. «Балдеть» уже никому не хотелось. Разговаривали больше вполголоса. Шуршали вещмешками, укладывая в них приобретённые в магазине продукты. После обеда слышали команду: «Выходим с вещами на плац!» На плацу уже было полно нашего брата. До этого нам казалось, что

в Германию поедет только наша рота, и радовались: служить будем все вместе, ведь там всего-навсего, как нам объяснили, дислоцируется группа советских войск в Германии. Но когда плац полностью заполнился людьми и стал представлять из себя шевелящийся серо-зелёный ковёр, поняли, что с вновь обретёнными друзьями нам, возможно, в Германии придётся расстаться.

Перед нами на трибуне офицеры и двое гражданских. Команда «Равняйся! Смирно!» заставила на некоторое время замолчать наш растревоженный улей. Но через несколько секунд плац ожил снова и загудел множеством голосов. Через микрофон с трибуны звучат слова: «...выпала честь служить за пределами Родины...».

В рядах новобранцев слышится другое: «Когда уже мы поедем?», «Будут ли кормить нас в дороге?», «Я деньги не успел домой отправить!», «У меня часы с собой. Не отберут, а?..», «Ты место на меня в вагоне забей!»... Из динамиков, отражаясь от стен зданий, продолжает доноситься: «...воинский долг..., ...честно..., ...конституционная обязанность...!»

Наконец всё закончилось. Смолкли громкоговорители; испытывая нетерпение, как перед стартом, притихли новобранцы. «Скорее бы...!» Все устали и замёрзли. Хотелось быстрее забраться в вагон, чтобы ощутить в нём долгожданное тепло и отдохнуть. Долго не отправляли. Что-то, видимо, не состыковалось в организационных делах. Устали. Ноги уже не держат, гудят. По рядам пронеслось — можно при-

сесть.

Присели кто как сумел: кто-то сел на свой вещмешок, кто-то опустился на корточки, наиболее выносливые, подшучивая: «Садись на чём стоишь!», продолжали стоять... Долго пришлось ждать. Наконец появилось начальство. На плацу оживление, сидящие поднимаются и стараются занять своё место в строю. «Равняйся!», — раздалось в динамиках. «Смирно! Шагом — марш!»

Огромная масса людей, повинувшись приказу, пришла в движение. Ворота части, несколько дней назад любезно распахнувшиеся перед нами, снова были открыты, но уже для того, чтобы выпустить нас, провожая в дальнюю дорогу. Людская масса, продолжая движение, заполняла городскую улицу за пределами части. Где-то впереди, отбивая ритм, слышался звук барабана: бух-бух, бух-бух, бух-бух... Приноравливаясь к его ритму, все мы старались «шагать в ногу», да и перед провожающими или просто любопытствующими, заполнившими тротуары, хотелось пройти красиво. Движение транспорта в Мигалове было остановлено. Также было перекрыто движение по автодороге Москва — Ленинград.

Проходя мимо стоявших людей, мы замечали много плачущих женщин. За время проводов и нашего недолгого пребывания в армии мы более горестного зрелища не видели. «Как на войну провожают», — хорохорясь, произнёс кто-то рядом, при этом сглатывая подступавший к горлу комок.

Неподалёку, уже за трассой Москва — Ленинград, уви-

дели состав с пассажирскими вагонами, двери которых были для нас любезно распахнуты. «По вагонам!», — прозвучала команда. Началась погрузка. Матери, плача и обнимая своих сыновей, прощались с ними на два года; подруги, обещающая ждать, тоже плакали; отцы, родственники и друзья, обмениваясь с отъезжающими крепкими рукопожатиями, желали хорошей службы... «Быстрее, быстрее!», — ускоряя погрузку, торопили офицеры.

Наконец всё закончилось. Все заняли свои места в вагонах. Кто-то знаками через закрытые окна пытался стоящим около вагона провожающим досказать то, что не успел выразить на гражданке. Стояли долго. Услышав гудок и почувствовав толчок, поняли — прицепились... Где-то внизу зашипел воздух, заскрипел и защёлкав, стали растормаживаться колёса. Вагон дёрнулся, и провожающие стали удаляться. «Ну, наконец-то поехали!», — обрадовались мы. Но, как оказалось, мы ошиблись. Состав вытащили на станцию и почему-то долго нас катали вперёд-назад, вперёд-назад. «Да когда же поедет?», — начали беспокоиться мы. Всё прошлое оставалось здесь, а мы, любопытные, ждущие новизны и жаждущие романтики, хотели как можно скорее попасть в ту страну, к которой у нас было разное, по большей части предвзятое отношение, полученное из книг, кинофильмов да из рассказов фронтовиков.

Стало уже темно. В вагоне включили свет. На душе тоскливо. Друзья, с которыми успел сдружиться, растворились

где-то в такой суматохе. Заводить новых друзей уже не хотелось. В вагоне, на удивление, становилось всё тише и тише. Был ли очередной гудок или его не было, уже не скажу: пока нас «катали», мы на эти гудки перестали обращать внимание. Но через некоторое время все поняли, что состав набирает скорость... После всего пережитого за день клонило в сон. Покачивается вагон, постукивают колёса. Спать, спать, спать...

Глава 4

Ахтунг! Ахтунг!

Ранним ноябрьским утром 1968 года наш эшелон остановился на какой-то станции, и в вагоне стало тихо. В этой тишине скрипнул включаемый громкоговоритель, и мы услышали непривычный нашему слуху голос диктора: «Ахтунг, ахтунг...!» Что говорил диктор дальше, мы не понимали. Но поняли другое — приехали...

Снаружи раздались голоса, говорили на русском языке. Послышалась какая-то возня, и через несколько секунд дверь вагона откатилась, и в проёме мы увидели трёх военных. В утренней полутьме их званий было не различить, но мы сразу поняли — это «наши»...

«С прибытием вас, ребята!» — сказал один из них. «Как доехали?» «Хорошо доехали!» — буркнул кто-то в вагоне. «Ребята! — обратился к нам другой военный, — у кого стаж в качестве водителя год и более, записывайтесь к нам, не пожалеете!» В нашем вагоне шоферов со стажем более года, включая меня, оказалось четверо. Переговариваясь друг с другом, сомневаясь, всё-таки решились: «А, была не была! Записывайте!»

Построили нас в колонну по четыре, и вот эта лента из 1 400 человек начала движение. По рядам стало работать «сол-

датское радио» и сообщать: «Нас привезли в Веймар!» Название города многим из нас ничего не говорило. Правда, в школе что-то нам рассказывали про Веймарскую республику, но связать это воедино с названием города как-то не получалось, да нам в этот момент было не до этого. Минував станционные постройки, здание станции, на стене которого наконец-то увидели светящуюся вывеску «Weimar», мы вышли на дорогу. «Брусчатка!» — продолжало вещать «радио». «Так вот она какая!» — восхищённо говорили мы, видя её больше в фильмах про войну.

Дорога в сторону Веймара мощёная брусчаткой. Утро выдалось сырым и туманным. Да ещё эта изморось,

которая оседала на шапки и шинели, отчего они быстро намокли. Но самое страшное было впереди. Попадая на камни брусчатки, вода превращалась в тонкую плёнку льда, и идти становилось не то что вообще невозможно (в армии, как мы уже поняли, нет такого слова), но выполнить команду: «Шире шаг!» у нас никак не получалось. К тому же дорога всё время шла на подъём. Скользя, спотыкаясь, падая (были случаи), поддерживая друг друга, наша колонна наконец-то начала втягиваться в распахнутые ворота...

«Наверное, пришли?», — решили мы. Так и получилось. Прошли ворота, КПП, впереди какие-то здания, боксы, немного в стороне просторный плац... Движение нашей

колонны замедлилось, «по цепи пронеслось»: «Ведут в солдатский клуб!» «Ну наконец-то!», — оживились мы, предвкушая то удовольствие, когда можно будет сесть в кресла, согреться и дать отдых нашим уставшим ногам.

В клубе на сцене, за столом, покрытым красной материей, сидели офицеры с «большими звёздами». Внизу перед сценой, на первых рядах, но рангами пониже, тоже сидели офицеры. «Наши покупатели», — сразу поняли мы. Выслушав приветственные слова в связи с нашим прибытием, работа закипела. Читались фамилии, названные выходили к сцене, слушали слова напутствий, и покупатели, собрав своих новых подопечных, быстро уводили их из зала.

Про нас же, «добровольцев», словно забыли. И наконец-то прозвучали наши фамилии. Стоим мы у сцены и слышим слова, обращённые к нам и к оставшимся присутствующим: «А эти водители будут управлять такими машинами, которые могут ездить не только по земле, но и по воде и даже под водой...!» «Вот это задачка! Что же это за техника?», — гадали мы, уходя из клуба в сопровождении офицера.

Подходя к казарме, увидели автомобиль, на капоте которого прочитали: «УРАЛ». «Вы вот такие машины будете водить», — сказал нам офицер. «Понятно!», — обрадовались мы, хотя на гражданке такие машины видели немногие, а уж водить их — даже и не спрашивайте. «А вот как это на нём можно будет ехать под водой, или...?», — перебивая друг друга, стали спрашивать мы сопровождающего. «Ребята, не

переживайте, вас отправят на курсы переподготовки, на которых вам всё расскажут и всему научат. А сейчас все заходим в расположение...»

Встреча с будущими сослуживцами.

В расположении нас уже встречали... Проходя через спонтанно возникший на входе в казарму строй любопытных, то справа, то слева к нам посыпались вопросы: «Москвичи, сибиряки, Украина, Белоруссия, Тула... есть?» В голосе каждого спросившего чувствовалась надежда встретить своего земляка. Ну и что, что он живёт не в его городе, а далеко, где-то в районе; ну и что, что они даже не из одной области, а из соседней...

Здесь, в армии, понятие «земляк» имеет более широкое значение: «Так ты из Калининской области!? Оооо, а я из Ярославской! Привет, земля!» Немного, но находились земляки. Как же приятно встретить далеко от дома того, с которым, если бы не армия, никогда бы и не встретился, но принадлежность к общему — город, район, область и проч. — в таких условиях очень сближала нас. Кто-то, читая, может, смеясь, сказать: «Земляки, на одном солнышке портянки сушили!» или ещё что-то в этом роде. Но в тех условиях встретить такого земляка дорогого стоило.

Поэтесса Мария Короткова, прочитав наши воспоминания и воодушевившись от прочитанного, написала вот такие строки:

ВОСПОМИНАНИЯ

Часто вспоминаем долгую дорогу,
Едем и не знаем, куда нас привезут.
Страшно нам немного, на душе тревога,
Только и сказали, что в Германии нас ждут.
Огромною колонной шагаем по брусчатке,
Вот и место службы. Здесь мы будем жить.
Земляки встречают, всё уже в порядке,
Это город Веймар. Тут нам и служить.
Начались расспросы — кто мы и откуда?
Москва, Калинин, Тула, Тюмень и Волгоград...
Со всей страны огромной, ребята отовсюду,
Отправила Отчизна сюда служить солдат.
А мы совсем мальчишки, начитавшись книжек,
И не представляли, как будем мы в строю
В городке старинном, на чужой границе,
Охранять любимую Родину свою.
Годы пролетают, но они не тают,
Задержались крепко в памяти моей,
Как мы там служили и о чем мечтали
— Все воспоминания тех далеких дней.
Начало интересной, познавательной и трудной солдатской
жизни.

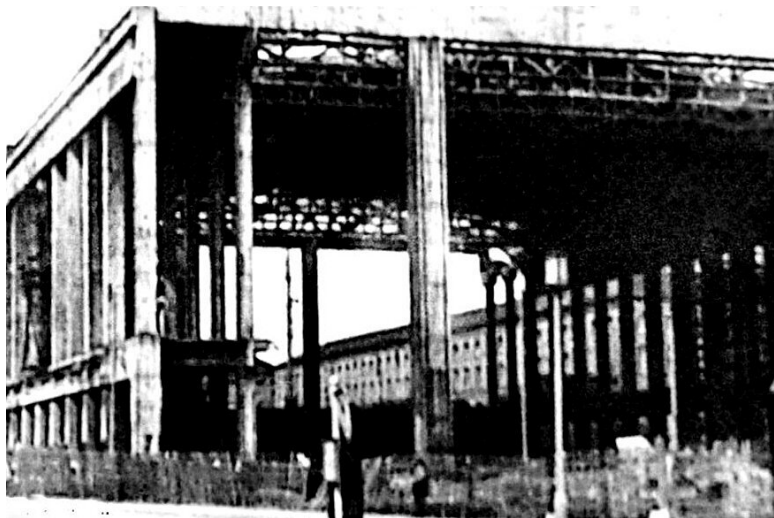
Окружив плотным кольцом вновь прибывших, наши потенциальные друзья, товарищи, наставники, возможные земляки и проч., засыпали нас вопросами: «Как там в Союзе? Какие новые песни поют?», «Какие новые фильмы крутят?»

и т. д. А мы, осмотревшись и немного осмелев, в свою очередь стали расспрашивать ребят о своём наболевшем: «Куда мы попали? Что это за часть?»...

Шумно было. Всё вперемешку: вопросы, ответы, наши рассказы, рассказы «бывалых», больше похожие на легенды. «Служить будете здесь, в артиллерийском зенитном полку». «До нас в этом городке немецкие части стояли». «Да, да...!, эти казармы ещё у немцев были построены». «То, что вы водители УРАЛов, считайте — вам очень повезло. Нам, пушкарям, служить гораздо тяжелее, но терпимо». «Тут, через дорогу, в танковом полку на плацу Гитлеру было присвоено звание ефрейтора!» «В Веймаре трамваи не ходят. Мать Адольфа не переносила шума, и фюрер распорядился снять трамвайные пути!» «Нам здесь деньги выдают марками, так что если у кого есть рубли, то вы спрячьте их хорошенько до лучших времён...» «Понятно, понятно!», — ошалев от такого потока информации, кивали мы головами...

Дальше — больше. «В Веймаре есть недостроенное здание, планировавшееся фашистами, в случае их победы, как судилище для Советского правительства». Здесь хочу привести воспоминания однополчанина Геннадия Шевцова об этом объекте. Я же этот «недострой» увидел немного позже: «По указанию Гитлера в годы Великой Отечественной войны в городе Веймаре строилось здание — судилище для Советского правительства. В нем был запроектирован прозрачный пол из армированного стекла. По задумке нацистского руко-

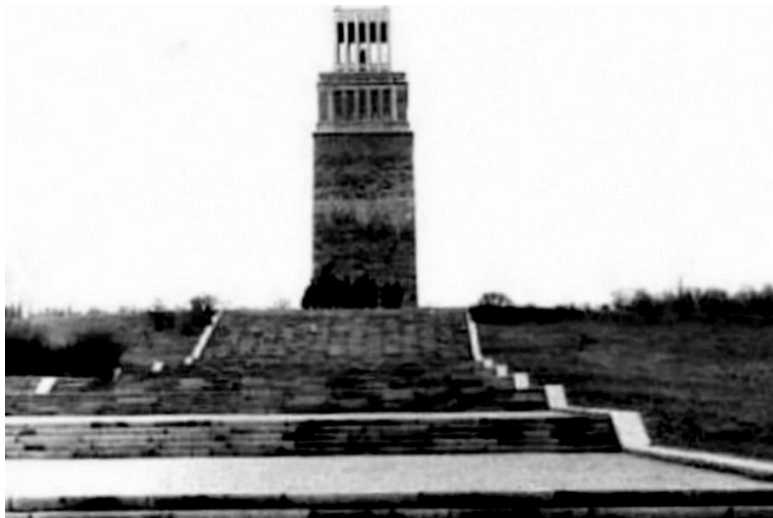
водства, по случаю победы Германского рейха над СССР, в здании судилища должен был проходить пышный и нескончаемый бал, а под прозрачным полом (под ногами победителей) будет находиться Советское правительство. Такая была мечта арийских скотов. В 1967 году мне приходилось бывать у этого здания...».

Вот он этот "недострой".

В завершение нашего общения, чтобы «добить нас окончательно», начала работать «тяжелая артиллерия». Рассказанное повергло многих из нас в шок: «Наша часть расположена недалеко от Бухенвальда, мы туда ходим пешком на экскурсии...». «Того самого?» — изумились мы. — «Это тот

лагерь, про который поется в песне: Люди мира, на минуту встаньте...?» «Ну да, тот самый Бухенвальд! — спокойно ответили нам. — Если через дорогу перейти, то самого лагеря вы не увидите, зато хорошо видна Набатная башня...». «А батареи нашей части по очереди постоянно находятся в 45-м танковом полку на боевом дежурстве. Так от нашей точки до этой башни рукой подать, посмотрите на нее...».

Бухенвальд. Набатная башня.

«Наш 779-й полк прямого подчинения штабу 8-й гвардейской армии, который располагается в Норе. Да не в норе, а в Норе...!» — смеются ребята. — «Это небольшой городок с таким названием. Да вы его будете каждый день с Планше-

та видеть, надоест еще. А Планшет — это и есть та самая точка в 45-м танковом полку...!». Тут мы стали осознавать, что у нас начинается интересная, познавательная и трудная солдатская жизнь.

Ах, вот ты какая, Группа советских войск в Германии!

Пока таким образом общались, подошло ещё несколько небольших групп новобранцев. В фойе казармы, назовём это так, было организовано два стола, за которыми, опять-таки, восседала комиссия из нескольких офицеров. «И тут покупатели?», — удивились мы. Так и вышло.

Снова называются фамилии. Снова стоишь в одних трусах перед майором с красными погонами. Медицина, однако. Закончив осмотр, медик отправляет вдоль стола к следующему офицеру. Вопросы сыплются один за другим: «Стаж работы шофёром на гражданке? Какие машины довелось водить?» Ответив бодро на все задаваемые вопросы, слышу разговор членов комиссии: «Водитель с опытом. К нам его, в Магдебург, в понтонный полк, на машину КрАЗ».

В этот момент у меня было ощущение, что пол уходит из-под ног. Как же так!? Ведь в клубе, да и офицер сказал нам, что служить будем в этой части, а тут такое... Расстроенный, на ватных ногах, побрёл я одеваться. Вдруг слышу: опять называют мою фамилию. Снова предстал перед комиссией. «Службу будете проходить здесь, в зенитно-артиллерийском полку, водителем автомобиля Урал», — сообщил мне кто-то из членов комиссии. «Вот это поворот! Вот это дела! Ура!

Ура! Ура!» Ребята потом мне рассказали, что среди членов комиссии вышла какая-то заминка. Видимо, поспорив и посоветовавшись, они изменили своё прежнее решение.

Тогда, в Калинин, нам сказали, что все мы будем служить в Группе советских войск в Германии. Узнав об этом, мы дружно радовались: «Все вместе будем, в одной группе!» Но, увидев, как быстро раскидывают нас по разным частям и наши ряды тают, мы поняли, что словосочетание «Группа войск» заслуживает того, чтобы писаться с заглавной буквы. Позже мы узнали, что почти во многих населённых пунктах ГДР (город, городок, деревня) располагались советские войска.

Сейчас, благодаря интернету, мы можем найти и прочитать всё или почти всё о Группе советских войск в Германии (1 июля 1989 года ГСВГ была переименована в Западную группу войск): Численность Группы в результате послевоенной мобилизации составила к 1949 году 2 миллиона 900 тысяч человек, в 1980-е годы — превышала 500 тысяч человек.

Со временем ударная наступательная группировка Советской армии, расквартированная на территории ГДР, способная, по замыслам советских военных стратегов, нанести кинжальный танковый удар по войскам НАТО и «прошить» Западную Европу до Ла-Манша, превратилась в государство в государстве. Группа имела собственные заводы, объекты инфраструктуры, подсобные хозяйства, школы для офицерских детей, пионерские лагеря, санатории, торговую сеть, до-

ма офицеров, телевизионные центры, комбинаты бытового обслуживания — в каждом гарнизоне, клубы — в каждой воинской части, военные ансамбли песни и пляски, до 1960-х годов — собственный Драматический театр.

Армейский быт. Первые уроки.

Через какое-то время в казарме стало тише. Прибывшие из других частей офицеры уходили со своими новыми подчинёнными, и, наконец, наша группа численностью 15–20 человек предстала перед двумя сержантами.

Заведя нас в спальное помещение казармы, новые командиры стали обучать нас всяким премудростям солдатского быта. Показывали и учили, как надо правильно заправлять койки, как красиво подшивать подворотнички, как в шапках хранить иголки с намотанными на них нитками, как правильно чистить сапоги и многому другому.

Во время занятий в помещение зашёл военный, поприветствовал нас и представился: «Семёнов Николай Иванович — ваш старшина». Отутюженный, подтянутый, с приятным тембром голоса. Понаблюдав за нашими практическими занятиями, Николай Иванович сказал нам напутственные слова, которые многие из нас запомнили на всю жизнь: «Ребята, вам выпала честь служить за границей, здесь будете представлять нашу страну. Ваше поведение, ваш внешний вид будет видеть Европа. Вы должны являться здесь образцом советского солдата. Ремешок должен быть затянут вот так», — показал нам старшина на примере одного из нас. «Гимнастё-

рочка застёгнута на все пуговички, подворотничёк должен быть чистеньким и свеженьким...»

Старшина первой батареи Николай Иванович Семёнов.

Мы потом про себя отметили, что, напутствуя нас, Николай Иванович все вещи называл ласково-уменьшительными словами: ремешок, гимнастёрочка, пуговички и т. д. «Ребята, старайтесь быть опрятными, следите за собой, иначе и вам за свой внешний вид будет неудобно, и нам — вашим командирам».

Старшина, как мы потом узнали, был из донских казаков, и его слово «неудобно» мы потом без труда переводили как «неудобно» и в дальнейшем, следуя его наставлениям, старались следить за собой: постирать форму, погладить, подшить подворотничёк... Нет-нет, за два года службы никаких «молодых», мы всё делали сами. Николай Иванович нам сразу понравился. Помня слова отца, что в армии старшина заменяет мать, мы были рады: «Вот повезло так повезло!»

Василий Мелюс, старший радиотелеграфист, вспоминает: «Любимцем всей первой батареи — и срочнослужащих, и офицеров — конечно же, был наш старшина Семёнов, всегда аккуратный, подтянутый, с его манерой настоящего донского казака носить фуражку чуть набекрень. Как мы, новобранцы, были признательны ему за то, что при первых выходах на стрельбище он раздавал нам по два-три сухарика, которые ещё по пути к стрельбищу съедались нами с огромным удовольствием».

Альтенбург. Учебка. КМБ.

Но радость наша была преждевременной. Спустя несколько дней нас, водителей со стажем работы шофёрами на гражданке, посадили в тентованный кузов грузовика ЗИЛ-157, и, как всегда бывает в армии, мы снова помчались куда-то в неизвестность...

Автомобили ЗИЛ-157.

Немного попетляв по Веймару, машина выехала из города, пошла мягче, скорость увеличилась, и по усилившемуся шуму проезжающих машин мы поняли, что выехали на какую-то оживлённую трассу. Посмотреть, где мы...!? Ага, так и посмотрели...! Кузов-то тентованный, и ни одного окошка. Свет — плафон, подвешенный на одной из дуг, поддержи-

вающих тент. Под тентом душно — большей частью от выхлопных газов двигателя. Единственная связь со «свободой» и вентиляция — задняя часть тента, закрытая своеобразной шторой.

Город Веймар. Дорожный указатель.

Приподнимая её, мы немного могли видеть улицы, жилые дома, а сейчас увидели широкую четырёхполосную дорогу, убегающую вдаль. Слова «автобан» мы тогда ещё не знали, но такая дорога нам понравилась. «Вот бы прокатиться по ней нам самостоятельно, сидя за рулём!» Мы ещё не предполагали, что «прокатиться» по автобану нам придётся, да и не один раз.

Пока ехали, успели познакомиться. Постараюсь здесь назвать некоторых ребят. Вдруг кто-то из их родных будет читать да и узнает своего отца или деда. За исключением Николая Шишкина из Москвы, все ребята были из Калининской области: Юра Сисейкин, Володя Горбунов, Саша Поляков, Борис Титов... Были с нами ещё ребята из нашей области, но их имена стёрлись в моей памяти. Спустя много лет благодаря интернету нашёлся однополчанин Алексей Никонов из Кашина.

Вспоминая службу, Алексей рассказал, что тоже был направлен на учёбу в Альтенбург и ехали мы вместе: «Только я тогда оказался лишним. Вот видишь, как бывает в жизни», — посетовал он. «Мне потом рассказывали, что у вас там такая муштра была...»

Глава 5

Альтенбург. Полевая почта 84431. Автобат.

Ехали долго, стали уже замерзать — как-никак ноябрь на дворе. «Подсматривать» через приоткрытую шторку тента уже как-то не хотелось. Согреваясь, сидели плотно, пряча застывшие руки и носы в свои шинели. «Какой-то город», — произнёс кто-то из ребят. Вскоре машина остановилась, слышались голоса, затем скрипнули открываемые ворота, и мы заехали на территорию. «Приехали! Подъём!» — радостным голосом (а может, нам так показалось) крикнул наш сопровождающий.

Пока мы осматривались, военные, решив все организационные вопросы и сделав перекличку, стали собираться в обратный путь. Забрав «лишних» бойцов обратно в часть, машина ушла.

Проведя экспресс-экскурс: «Курс молодого бойца и подготовку водителей автомобилей Урал будете проходить в нашей части, в городе Альтенбург, полевая почта 84431. Вот это столовая, плац, клуб, казармы, ваша — вон та», — показал рукой офицер и повёл нас, как он сказал, «в расположение». Там, как мы поняли, нас уже ждали.

Подошёл сержант и показал нам комнату, в которой уже находились наши сослуживцы. Знакомимся. Вопросы: «Кто? Откуда?» Земляков не нашлось. Прибывают новые «посто-

яльцы»... Всё — «полна коробочка»! Все койки в два яруса (по словам остряков, в два этажа) обрели своих владельцев. Разложив солдатское имущество по тумбочкам, мы, расположившись на койках — кто посидеть, кто полежать, — стали рассказывать каждый свои истории.

Разводить «тары-бары-растабары» долго нам не пришлось: открылась дверь, и в комнату влетел (именно влетел, а не вошёл) сержант: «Команду Строиться! слышали...?!» А мы, занятые разговорами, честно сказать, на эту команду не обратили никакого внимания. Мало ли что там в коридоре кричат. «Втык» за сидение и лежание на койках мы (вся наша рота) получили, уже находясь в строю. Сержант, проводя инструктаж, грозил нам за нарушения дисциплины какими-то «нарядами вне очереди», но что это значило, мы пока не понимали.

Вспоминая службу, Алексей Никонов был прав: не так "безоблачно", как в Калининe, началось наше встраивание в армейскую жизнь. Не буду здесь рассказывать о каждом прожитом дне в Альтенбурге — их было много, но некоторые, наиболее запомнившиеся истории, сами просятся на страницы моего повествования. Вот некоторые из них.

Кроме сержантов автобата, "помогать осваивать" нам азы военной службы было поручено младшим командирам. Будущие сержанты (пока ещё ефрейторы), ребята из Молдавии, видимо, в предвкушении сержантских погон, гоняли нас, по их выражению, "тока так".

Не буду здесь подробно описывать наши "тренировки" по выполнению команд "Подъём", "Отбой" — все служившие в армии прошли через это, но спустя несколько дней мы такие команды, по отзывам наших командиров, уже выполняли неплохо. Здесь пригодились советы отца: черенками ложек разрабатывались петельки для пуговиц на наших гимнастёрках. Способ "дёрнешь за верхнюю часть ворота гимнастёрки — все пуговицы сразу и расстегнутся" действовал безотказно. Также расстёгивались пуговицы и на манжетах рукавов. С наматыванием портянок было сложнее: "мотая" их, мы теряли драгоценные секунды из 45 "положенных". Кто их "положил" или кто их назначил, мы в решение этого вопроса тогда не вдавались, а просто тупо выполняли команду "Подъём!".

Но и для этого случая очень пригодились советы бывалых вояк: "Если вас будут просто "гонять подъём-отбой", то вы портянку не мотайте, а накиньте развёрнутой на голенище и — ногой её туда, в сапог; но если серьёзное дело, тревога, например, то портяночку постарайтесь намотать хорошо, иначе испортите ноги". Каждое утро, построив роту, сержанты проверяли наш внешний вид. Мы старались ему соответствовать, но из-за отсутствия должного опыта, да что там говорить, порою и лень-матушка, случались накладки — грязный или небрежно подшитый подворотничок, сапоги почищены "только для старшины", плохо выбрит и т. п., которые в считанные минуты нами устранялись.

Взаимоотношения в армии — это вам не ерунда!

Много времени отводилось занятиям по строевой подготовке. «Шагистикой» особо заниматься не хотелось, но, помня непреложное армейское правило, доведённое до нас в первый же день появления в этой части: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим», — мы, подчиняясь ему, с остервенением, под крики наших командиров: «Я не слышу... запаха резины!» (он не слышит...!?), лупили новенькими юфтевыми сапогами по бетонному покрытию плаца.

Попутно с этим также постигали правила воинского приветствия (отдание чести). Да нет, это не ерунда! В армии это не ерунда. Вспомнился свой день рождения. Праздничный

стол имениннику, свободный от службы день... Традиция, однако. Надев парадную форму, гуляю по городку.

Навстречу идёт патруль: ребята с нашей батареи, начальник патруля лейтенант Сныткин, на год-два старше меня — серьёзный донельзя... Ребята, увидев меня, улыбаются: «Отдыхаешь, мол...!?» «Ага! Отдыхаю!» — кивнул я радостно головой. И в этот момент мой праздник закончился. На вопрос лейтенанта: «Почему, рядовой, не отдаёте честь?», — я не нашёлся что ответить: свои же ребята... Высказав порицание за мою оплошность, лейтенант Сныткин в наказание отправил меня в караульное помещение учить устав...

В учебке, так мы называли наше пребывание в автобате, некоторые правила взаимного уважения, проявления вежливости и воспитанности солдаты приобретали уже на своём опыте. Ну, например. Как я уже отмечал, наша рота размещалась в нескольких комнатах, и часто — или просто так поболтать, или, например, по каким-то вопросам — приходилось заходить к соседям. Хорошо, если в комнате не было кого-то из наших наставников: дверь нараспашку, залетаешь в комнату: «Парни, а...?!» Но если «нарываешься» на присутствующего там кого-то из командиров, то сцена кардинально менялась. Грозный выкрик «Weg!» (мы же в Германии), что по-русски значит «Прочь!», — и ты пулей вылетаешь из комнаты.

Здесь большое спасибо (говорю это без иронии) хочется сказать одному из наших сержантов по фамилии Шатило. Услышав шатиловское «Weg!», солдатик моментально закрывал дверь с обратной стороны, и представление начиналось снова. Тук-тук-тук в дверь... Услышав вожделённое «Войдите» или что-то подобное этому, гость спокойно заходил в помещение. Тяжелее было тем, кому такой урок не пошёл впрок. «Рецидивистов» же ждало уже наказание: «Упал! Отжался!» Помогало. Вот так, день за днём, мы постигали премудрости армейской жизни. Мало кто обижался на подобное — учились...

Свинтусы.

Ну что там говорить, порою мы и сами были хороши. Бытовая комната, в которой можно было погладить форму, подшить новые подворотнички, побриться, за каких-то пару дней была превращена нами в помещение, напоминающее, слово-то тут трудно подобрать, ну скажем так, в... Повсюду на полу, на столах валялись грязные подворотнички, нитки, лезвия и упаковки от безопасных бритв... Предупреждения наших командиров "Убирать за собой!" на многих никакого значения не возымели: "Непорядок, грязно, да и ладно!". На очередном построении мы были строго предупреждены: "Навести в бытовке надлежащий порядок! В противном случае вечером все, как один, пойдёте "хоронить" вами оставленный мусор".

После сказанного нам всем почему-то стало весело: "Гы-гы-гы, поиграем, повеселимся. Мусор будем хоронить, гы-гы-ы!". Вечером, построив роту, нам поставили задачу — зайти в бытовую комнату и каждому взять с собой что-то из оставленного мусора. Дурачась и играя, мы заходили в бытовку и брали в руки кто ниточку, кто грязный подворотничок, кто упаковку от лезвия. "А я подворотничок взял." "Ооо! Тебе повезло, а мне ниточка только досталась!", — продолжая "выкаблучиваться", радовались некоторые. Не знали, не знали ещё мы, что впереди нас ожидает...

Построив нас на плацу в колонну по четыре и приказав присесть на корточки, вся рота в таком положении, по команде "Шагом марш!", двинулась в направлении мусорных

баков, стоящих за плацем на противоположной стороне. "Гусиный шаг называется. Я, занимаясь в секции, ходил так. Тяжёлая штука", — делится впечатлением кто-то, идущий позади. Продолжая веселиться, и пройдя этак метров 10–15, мы стали понимать, насколько это, оказывается, тяжело. Смешки и шуточки постепенно смолкли, кто-то стал подниматься, но такие действия тут же пресекались, и, кто ещё гусиным шагом, а многие уже на карачках и со слезами на глазах, добрались наконец-то до этих ненавистных баков. Выбросив в них принесённый нами мусор, мы, на ставших уже ватными ногах, побрели в расположение. Кто-то из сержантов, обгоняя нас, бросил на ходу: "Задача выполнена не до конца. Мы вас пожалели. Вообще-то, чтобы похоронить, надо было ещё выкопать яму..."

Дневальные по роте.

После этого случая подошла наша с Борисом Титовым очередь заступить дневальными по роте. В первый раз назначены, в первый раз доверили, как нам тогда казалось, такой важный и ответственный пост. «Ну, наконец-то начинается наша настоящая военная служба!», — радовались мы. Самого главного — всех обязанностей дневального — мы тогда ещё не знали... Да тут, оказывается, всё проще простого: доверили пост, стой у тумбочки, смотри за порядком, «kozyряй» старшим по званию, обязательный доклад командиру роты не забудь, да и «врага» не пропусти. Понравилась нам такая игра.

Доклад командиру роты достался Боре Титову: «Товарищ капитан, за время моего дежурства (такому докладу при инструктаже нас научили) в роте никаких происшествий не произошло. Дневальный по роте рядовой...». Рота ушла на занятия, в казарме тишина, можно на время отдохнуть от муштры, но не тут-то было. От дежурного сержанта мы узнали, что, пока рота отсутствует, дневальные наводят в казарме порядок. Вот как! После этих слов наше боевое настроение стало куда-то улетучиваться: «Так что ж, кроме несения службы дневальными, нам придётся ещё и уборщиками поработать?!» На что нам сержант ответил: «В армии солдат всё выполняет сам!»

Нам тогда с Борисом повезло. В бытовой комнате, после того события, было относительно чисто — мусор в положенном месте, в урне. Оставалось только начистить раковины, краны, зеркала, подмести и вымыть пол. Убираясь, заметили одну особенность: у каждой раковины на цепочке болтались резиновые пробки. На вопрос: «А для чего это...?», — нам сказали, что немцы экономят воду и никогда напрасно её не расходуют. То ли в шутку, то ли всерьёз объяснили, что этой пробкой они закрывают сливное отверстие и умываются водой, набранной в раковину...

Ну, наконец, вечерняя поверка и отбой. Все легли спать, мы бдим. Подходит дежурный сержант: «Кто из вас коридор будет мыть...?» Борис в это время стоит «на тумбочке», мытьё пола, в дальнейшем «автострада», досталось мне. Никогда не приходилось мыть полы, выложенные кафельной плиткой, и как это правильно делать — ну кто же его знает. В общем, развёл я на полу «болото». Убираю тряпкой воду — плохо получается: сыро, некрасиво, да и грязно. Подошёл сержант, посмотрел на моё мучение, из подсобки принёс жёсткую щётку на рукоятке, налил какой-то жидкости в бадью (кажется, это был лизол), пошоркал щёткой плитку, потом, прополоскав тряпку, выжал и, расстелив её во всю

ширину, протащил по плитке. Пол в этом месте был почти сухой и чистый. «Вот так надо мыть, — сказал сержант. — А ты тряпку комком, да и возишь ею по полу».

«Автострада»

После такой помощи, примером и советом, работа пошла веселее. Вымыв половину «автострада» и передав все причиндалы Борису, я встал на тумбочку. У Бориса, следившего за нами, работа лучше спорилась, и часам к двум ночи «автострада» сверкала своей чистотой. А сержанту огромное спасибо за науку. Вот кто-то проклинает дедов, но мне больше встречались в армии такие деды, как этот сержант. Уже находясь в своей части, я убедился в этом. С помощью старослужащих решалось много «автомобильных» вопросов, да и

на бытовом уровне тоже... «Спасибо вам, деды, за помощь и науку! Вашему примеру следовали и мы, когда впоследствии наставляли молодёжь...»

Замечательное, что бы там ни говорили, было время. Не отрицаю — было трудно в начале службы. Но дни пролетали с быстротой молнии, и, проживая каждый из них, большинство из нас мечтало только об одном — скорее бы отбой. Действительно, гоняя нас «тока так», наши ефрейторы старались вовсю, не давая нам ни минуты передышки.

Утро, после прокричавшего дневальным ненавистного слова «Подъём!», начиналось с зарядки. Разминка, затем упражнения на снарядах... Одно из малоприятных занятий

было качание пресса. Наш ефрейтор, видимо, получая удовольствие от мучений своих подчинённых, усаживал нас на длинную скамью, ноги под трубу и картавеньким голоском командовал: «Дерай раз, дерай два..., дерай раз, дерай два...!» И так до полного нашего изнеможения, порою до слёз, мы «качали каждый свой пресс».

Не знаю, насколько это было полезно для нашего здоровья, но после таких экзекуций слышать тошнотворный его голос, где вместо «эль» произносилось «эр», было выше наших сил. Мы этого «гевейтора» (такую дали ему кличку) все дружно ненавидели. После такой «разминки», приведя себя в порядок, следовали в столовую.

На отсутствие аппетита уже никто не жаловался. Тут вспоминаются слова нашего сержанта в Мигалово: «Погодите, са- лаги, придёт время, будете мести всё подряд, что подадут!» Так и было — ели охотно, а если удавалось, то кусочек хлеба обязательно в карман...

Вижу, что уже читатели торопят, спрашивают: «А когда же о главном? Вы же приехали сюда на переподготовку?» «Знамо дело — учиться мы сюда приехали!» Чего нет про- ще: «Вот тебе машина, садись и поезжай». Но не тут-то было: усадили нас «за парты», то есть за столы, и начались теоретические занятия. Тут вам устройство и эксплуатация автомобиля «УРАЛ», правила дорожного движения ГДР, ПДТ по-ихнему (Правила движения транспорта). Большой объём информации, получение новых знаний делали наши занятия

интересными. Порою даже не замечали, как прошёл учебный день. Терзая преподавателей вопросами: «А когда же мы поедим?», — всегда получали ответ: «А вот когда выучите ПДТ в ГДР, тогда и поедете». Учились. Ждали.

ПРАВИЛА

движения транспорта и пешеходов
в городах и на дорогах
Германской Демократической
Республики.

(Введены в действие с 1 января 1957 г.)

Вот дилемма: будущий повар или водитель?

В один из таких дней наша с Борисом Титовым карьера стать водителями УРАЛов едва не закончилась, причём могла закончиться по «нашей же вине». Сидим на занятиях, открывается дверь и в кабинет заходят подполковник с красными погонами и с ним ещё два офицера. Встали, поприветствовали вошедших, но на душе стало как-то беспокойно: «Что-то случилось?» Но оказалось всё наоборот — пришли наши соседи из школы поваров. «Ребята», — обратился к нам подполковник, — «наша школа готовит для воинских частей поваров, хлебопёков... Кто хочет получить какую-то из таких специальностей, записывайтесь к нам. У нас в школе хорошая подготовка. Наши выпускники после армии работают в лучших ресторанах страны».

В классе стало шумно: думали, совещались друг с другом, решали... Пять или шесть добровольцев из нашей группы нашлись, дали своё согласие перейти учиться в школу поваров, мы же с Борисом, переглянувшись, отрицательно покачали головами... Нет, мы не испугались, что тут какой-то подвох, что опять могут «поручить перебирать печенье», да и подполковник по своему статусу не мог так пошутить над нами, просто желание служить в армии водителем автомобиля перевесило чашу весов «против».

Кроме «автомобильных уроков», опять-таки не забывалась строевая подготовка. Разбив по отделениям, ефрейторы гоняли нас по плацу части, как всегда, «тока так». Подобная муштра вскоре стала приносить свои плоды. Команды выполнялись более чётко и без ошибок. Успехи по строевой заметно подняли наше настроение: «Эх, жаль, что опять никто не видит...!» Острословы или сами сочинили, или где-то услышав, привнесли в наши ряды смешную шутку-прибаутку, которую мы, пока не надоело, не переставали долдонить: «Напра, нале, ногу не пле, кругом, бегом, об стенку лбом!»

Как вы заметили из рассказанного, мы продолжали понемногу «борзеть». Закончив занятия с «напра, нале...», мы

стали учиться ходить строем. Скажу вам — хождение строем тоже непростое занятие, но оно потом стало нам нравиться. Понравилось, скорее всего, оттого что мы начинали чувствовать сплочённость, где каждый из нас являлся частью целого; нравилось, что, подчиняясь командам, строй мог чётко и слаженно выполнять их. «Старики и деды», ну не морщитесь вы, прочитав про строевую подготовку. Всё это было и с вами. Положа руку на сердце, многие из вас подтвердят, что «быть настоящим солдатом» в этот период службы хотелось нам всем...

Дальше — больше. В армии всё делается по приказу. «Нашему взводу нужна строевая песня!» — на одной из тренировок сообщил сержант. «Какие будут предложения?» Продолжая смелеть, то есть борзеть, из строя посыпался перечень песен, большей частью «не по теме»... «Ну ладно, пошутили и хватит!» — строжит нас сержант. «Вот вы! — показывая на нашу шеренгу, — будете запевалами. К завтрашнему дню найти и разучить строевую песню!» «Есть!» — оставалось только ответить нам.

Вечером кто-то из наших запевал, проявив солдатскую смекалку, принёс тетрадный листок с текстом доселе нам малознакомой песни о 28 панфиловцах (выручил земляк из старослужащих этой части). До сих пор помню некоторые строки её текста: «Шумела в поле злая осень, на землю падала листва. Их было только 28, а за спиной была Москва».

Часть слов в песне была уже не авторская (поработали ар-

мейские поэты), но смысл их совпадал с оригиналом. На следующем занятии запевалы под команду «На месте, шагом марш!» и «Запевай!» пропели песню, которая нашему «начальству» понравилась и получила звание «Наша строевая».

Потратив несколько занятий на её разучивание, мы дружно, может, даже уже в унисон, драли глотки: «И все решили за Ключковым: умрём, но танкам не пройти! И вот уже в огне багровом пылают танки на пути». Немножко нескладно было, ну да ладно. Об этом никто из нас не думал. Поётся с удовольствием, шагается легко, настроение улучшается, и это хорошо.

Пужинав, как же теперь с этой песней не прогуляться солдатам по плацу? Круг, другой, а то и третий... Всё зависело от того, как мы понравимся нашим командирам. Вечером оставшееся время перед сном надо было ещё посвятить бытовым вопросам — привести форму и себя в порядок, а там уже и вечерняя поверка, а дальше — долгожданная команда «Отбой!»

Да чего там говорить, получив первые вожаделенные письма из дома — от родителей, от девушек и друзей, — прочитать, перечитать их мы могли только ночью. Где, где? Как, как? Уж извините за подробности, читать приходилось, идя по коридору в туалет... и обратно.

Когда и как писались письма? Для написания первых нам было отведено время. Проведя строгий инструктаж, о чём можно писать, а о чём нельзя, и напомнив, что первое пись-

мо обязательно домой, мы, усевшись в ленинской комнате, стали рассказывать своим адресатам о начале своей службы. Не жаловались, нет. Не думаю, что кто-то написал домой, что ему тяжело, что очень устаёт, что постоянно хочется спать и кушать, что очень скучает и тянет домой. Много хотелось рассказать — ведь мы солдаты, мы в Европе...

Пусть пока удалось увидеть «одним глазком», «а как тут у них?», а впечатления уже перехлестывали через край. Но, помня строгости при инструктаже, что письма «с подробностями» просто не дойдут, писали больше на отвлечённые темы. Впоследствии с написанием писем, да и просто отдыхом, стало попроще.

После ужина у нас наконец-то появилось так называемое «свободное время», в течение которого можно было написать письма, без суеты и спешки решить бытовые вопросы. Его продолжительность всецело зависела от нас: если понравилось наше послеужинное прохождение по плацу с песней, следовала команда «В казарму, по одному, шагом марш!». Если же наш «вокал» не нравился наставникам, то свободное время уменьшалось ровно на количество кругов, пройденных по плацу. Поэтому, экономя такие драгоценные минуты, мы старались показать себя во всей красе...

Получив «ускорение» в первые дни нашего пребывания в Альтенбурге, мы стали замечать, что наша служба понемногу наладилась. Нет-нет, расслабляться нам не давали. Всё шло по распорядку. Но куда-то пропали «наши воспитатели» (это

я о начинающих сержантах), которые ушли, как сейчас принято говорить, «по-английски».

Настоящие наши сержанты оказались более добродушными, что ли... Никаких унижений с их стороны мы уже не испытывали. Что касалось службы — требовали, и мы это воспринимали как должное, охотно подчиняясь их приказам. Теоретические занятия проходили строго по расписанию.

Освоившись, мы стали понимать, что автомобиль «Урал» и его устройство — не такая уж сложная штука, и порою, желая помочь рассказчикам, по их словам, мы начинали «лезть поперёд батьки в пекло». На такую нашу самостоятельность преподаватели не обижались. Наоборот, занятия стали проходить интереснее. Создалась какая-то дружеская атмосфера: собрались тут шофёры, да и беседуют. Много знаний давали нам такие занятия. Были заведены общие тетради, в которые заносились наиболее важные вопросы. Рисовались схемы по устройству автомобиля, дорожные ситуации по Правилам движения транспорта в ГДР.

Благодаря капиллярным ручкам (сейчас их называют — вспомните того же кота Матроскина — фломастерами) мы делали свои записи и рисунки более красочными. Прочитав это, кто-то удивится: «На какие шиши вы купили тетради и капиллярные ручки?» Да, совсем забыл об этом. Будучи ещё в Веймаре, мы впервые получили своё денежное довольствие в количестве 15 марок (1 рубль = 2,47 марки ГДР), на которые и закупалось нами всё необходимое.

Может быть, капиллярные ручки и не были острой необходимостью, но уж очень многим из нас хотелось иметь в своём арсенале эти наборы: красный, оранжевый и т. д. — «по желанию охотника»... Полученные деньги, благодаря нашим «хотелкам», заканчивались быстро, но всё-таки часть их оставалась на то, чтобы сходить в солдатскую чайную и впервые в жизни попробовать вкус (до этого только слышали) Pepsi, купить жевательную резинку. Не буду здесь описывать вкусовые качества этого напитка — наш лимонад не хуже, но вот жевать резинку, товарищи, это вам не гудрон — её альтернатива... Сейчас этим никого не удивишь, а тогда «жвачка» нами высоко ценилась, и жевали мы её, в целях экономии, долго-долго. Да нет, спать с ней во рту не ложились, а заворачивали её в ту же упаковку и — до следующего дня...

Также в лучшую сторону наладилась наша переписка с родными, друзьями и девушками. Находилась время, чтобы прочитать письма и написать ответы. Не скажу, как долго шли письма, но, благодаря нашим стараниям, на первых порах мы писали часто, поэтому весточки приходили быстро. Почти в каждом из первых полученных писем, кроме всего прочего, содержались просьбы прислать фотографию: «Хочется посмотреть на тебя в военной форме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.